

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИНЦИПА

БАЛАНСА СИЛ

ОПЫТ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО

ПОДХОДА К МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЕ

АЛЕКСЕЙ ЗОБНИН

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Резюме

На фоне меняющейся международной среды возникает необходимость пересмотра теоретических и концептуальных подходов к изучению международных отношений. Одним из принципов, требующих такого переосмысления, является понятие «баланса сил», теоретические основы которого были заложены в отличных от сегодняшних мирополитических условиях. Анализ развития концепции «баланса сил» показывает, что с течением времени ее трактовки заметно изменялись и дополнялись новыми аргументами, что привело к понятийной многозначности и даже размытости. Заметны также различия подходов к «балансу сил» во внешнеполитической практике различных государств. Эволюционировало и само понятие силы в международных отношениях, а также способы ее применения. Во второй половине XX в. сформировались новые условия, диктующие потребность критического подхода к традиционному реалистскому пониманию принципа «баланса сил», что привело к возникновению новых концептуальных моделей, объясняющих поведение субъектов мировой политики.

Автор данной статьи изучает основные теоретические подходы к принципу «баланса сил» и приходит к выводу о необходимости обновления интерпретации этого принципа ввиду противоречий в его трактовке, а также изменений международной среды, в которой он реализуется в современном мире. В статье уделяется внимание такому фактору, как структура международного переговорного процесса, изменение которой отражается на расширении спектра возможных способов обеспечения баланса сил. В результате автор, рассматривая принцип баланса сил с точки зрения неоинституционализма, приходит к выводу о том, что его следует понимать как систему ожиданий, внешнеполитических установок и рациональностей, которые формируют поведение субъектов в мировой политике и обуславливают равновесие в международной среде.

Ключевые слова

принцип «баланса сил»; современная международная среда; неоинституционализм; конструктивизм; международная социально-политическая коммуникация.

Необходимость концептуального переосмысления основополагающих объяснительных принципов международных отношений продиктована не только естественным желанием современных полити-

логов давать новые трактовки традиционным содержательным единицам теории, но и изменением международных условий, в которых эти принципы формировались. С конца 1980-х годов на смену обще-

принятой реалистской интерпретации международных процессов стали приходить либеральные и институциональные подходы.

Йон Эрик Фоссум из Университета Осло сформулировал ключевые положения нового институционального подхода к анализу стержневых концептуальных феноменов современных международных отношений. По его мнению, многие принципы ведения международных дел, разработанные основоположниками реализма в середине XX века, становятся в новых международных условиях идеальными абстракциями, требующими пересмотра с позиций неонституционализма и совещательных теорий демократии [Фоссум 2009: 252]. Постулаты теории международных отношений могут быть также осмыслены через конструктивистский подход, объединивший в себе ряд идей таких направлений изучения политики и управления, как новый институционализм, когнитивистика, интерпретативизм, постмодернизм и др. [Finnemore, Sikkink 2001: 394-395]

Одним из феноменов, требующих мета-теоретического переосмысления, является принцип баланса сил (англ. *balance of power*), в разработку которого внесли вклад еще в XVI-XIX вв. Ж. Боден, Ф. Бэкон, Дж. Ручеллаи, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций, И. Кант. Его закрепление в качестве ключевой категории теории международных отношений связано с работами американского ученого Г. Моргентау [Morgenthau 1948]. Баланс сил называют одним из самых влиятельных принципов при формировании внешних политик ведущих держав мира в XIX-XX вв. [Wohlforth et al. 2007: 155] и даже одной из идеологических опор реализма [Sheehan 1996: 4; Sheehan 2004].

1

Цель настоящего анализа требует от исследователя углубления в историю политической мысли, поскольку со временем традиционные трактовки баланса сил эволюционировали, а сам принцип дополнялся новыми тезисами и аргументами.

В основе понимания, предложенного Г. Моргентау, лежало определение баланса сил с помощью синонимичного понятия «равновесие», определяющего стабильность внутри системы, образованной из некоторого числа автономных агентов. Внешнее воздействие может привести к нарушению этого равновесия, однако система демонстрирует способность к возвращению к изначальному или новому равновесному состоянию в ситуации международной анархии [Morgenthau 1948: 187-188]. При этом ключевое для реализма понятие интереса, определяемого в терминах силы, является универсальной объективной категорией [Morgenthau 1948: 4-20].

Согласно Г. Моргентау, существует две концепции баланса сил. Простой, или биполярный, баланс, характеризуется присутствием и противоборством в международной системе двух сверхдержав. Необходимость в сбалансированном поведении возникает при попытке субъекта нарушить *status quo* с помощью угроз применения силы. Комплексный, или многополярный, баланс предполагает, что субъекты действуют гибко и меняют своих союзников по альянсу, чтобы не допустить преобладания соперника. Можно фиксировать наличие ещё одной типа концепции баланса сил — модифицированного: в биполярной, многополярной или системе без четко выраженного лидера может существовать субъект, выполняющий функцию «держателя баланса». Уравновешивая весь силовой механизм, он действует при этом автономно от противоборствующих субъектов. Поскольку для держателя баланса характерна большая гибкость и стремление к организации переговорного процесса, такой баланс можно назвать более устойчивым [Morgenthau 1948: 142-144].

Реальный исторический опыт противостояния двух ядерных держав позволила другому американскому исследователю Т. Шеллингу выделить два подвида баланса сил: стабильный и нестабильный. «Баланс стабилен, если ни один из противников, ударив первым, не получает преимущества

в виде лишения возможности других нанести ответный удар» [Schelling 1960: 232].

Впоследствии западные исследователи стали уделять больше внимания нормативному значению баланса сил. В частности, *А. Лайпхарт* отмечал, что концепция баланса сил представляет собой теорию, согласно которой анархия, влекущая за собой отсутствие суверенной власти, не приводит к полному разрушению межгосударственного порядка. Баланс понимается как наличие равновесного порядка в анархическом контексте. Главное — не поддержать баланс, а вернуть его в случае утраты [Lijphart 1974: 46-47].

Несмотря на то что практика международных отношений второй половины XX века определялась преимущественно установлением биполярности, ряд исследователей уделяли существенное внимание альтернативным вариантам мировой системы. *М. Каплан* сформулировал правила, которые должны соблюдать участники применительно к многополярному балансу сил (системе, состоящей минимум из пяти государств): (1) действовать с целью расширения своих стратегических возможностей, предпочитать переговоры открытым столкновениям, (2) предпочитать открытое столкновение отказу от шанса на расширение своих возможностей, (3) предпочитать прекращение столкновения полному уничтожению одного из игроков, (4) действовать против любых коалиций или одиночных игроков, стремящихся к захвату доминирующих позиций в регионе, (5) сдерживать игроков, соблюдающих наднациональные организующие принципы и нормы, (6) позволять игрокам, которые были побеждены или связаны ограничениями, заново внедряться в систему в качестве партнеров, (7) относиться ко всем игрокам как к партнерам постольку, поскольку они играют приемлемые для поддержания стабильности системы роли [Kaplan 1975: 22-23]. При условии соблюдения обозначенных правил международная система оказывается в ситуации равновесия. До тех пор пока игроки придерживаются управляющих системой предпосылок

и принципов, баланс сил будет сохраняться, так как он возникает на основании рациональных соображений государств в рамках существующей структуры.

Тем не менее основное внимание исследователей 1970-х годов закономерно было занято феноменом двухполюсного баланса сил, важнейшим элементом которого было сдерживание путем устрашения ядерным оружием. Значимый вклад в эту работу внес наиболее видный представитель английской школы теории международных отношений *Х. Булл*. По его мнению, «новым элементом, который появился в сдерживании в атомный век, является то, что государства, основываясь на своем нежелании использовать ядерное оружие в результате войны, были вынуждены придать устрашению статус главной политической цели». Используя наработки теории игр, Булл предложил следующую формулу баланса сил в ядерном мире: «Сдерживание страной А страны В означает: (1) что страна А угрожает стране В наказанием или лишением определенных благ, если та не начинает следовать определенной линии внешнеполитического поведения; (2) что в противном случае страна В может начать следовать рекомендуемой линии поведения, (3) что страна В верит в способность и волю страны А осуществить свою угрозу и решает по этой причине, что такая линия поведения не стоит того». Понятие ядерной стабильности в теории международных отношений постепенно стало вытеснять понятие стратегической стабильности, используемое реалистами в период существования биполярной системы мироустройства [Bull 1977: 117-119].

Дальнейшее развитие понимания баланса сил связано с развитием структурной теории международных взаимодействий американским исследователем *К. Уолтцем*. С точки зрения последнего, анархия допускает присутствие на международной арене игроков, обеспечивающих реализацию собственных национальных интересов посредством применения военной силы, а состояние войны между государствами является нормальным для международной среды.

Каждое государство самостоятельно решает, с кем и когда вести эту войну. Великие державы, по своему усмотрению распоряжаясь своим легитимным и монопольным правом на применение военной силы во внешнеполитических делах, тем самым наиболее эффективным образом структурируют и регулируют международную среду [Waltz 1979: 102; Waltz 1993].

В рамках неореалистских построений политика понимается как относительно независимая сфера, не являющаяся производной от социально-экономических условий. Более того, автономия политического порядка представляет собой основополагающую предпосылку существования понятия баланса сил. Интересы руководителя государства, а стало быть, и интересы самого государства становятся источником внешнеполитической деятельности, а политические расчёты на основе этих осознанных потребностей порождают формирование рациональных стратегий международного поведения. Баланс сил на этом фоне представляет собой функцию рациональных государств, преследующих собственные национальные интересы путем применения силы в ситуациях, характеризующихся отсутствием вышестоящего источника власти [Waltz 1979: 117-128].

Стремление к концептуализации понятия баланса сил демонстрировали не только реалисты, но и представители других парадигм. В частности, по мнению американского теоретика *М. Дойла*, баланс сил противостоит гегемонии. Если точнее: системной гегемонии (абсолютному доминированию в международной системе) препятствует суверенитет государства (принцип невмешательства во внутренние дела) и готовность сильнейших держав отстаивать его, что не позволяет формироваться новым мировым империям [Doyle 1986: 40].

По мнению еще одного известного критика школы реализма *Э. Хааса*, существует восемь разнообразных трактовок понятия «баланс сил»: (1) баланс сил как описание существующего распределения сил между игроками, (2) баланс сил как силовое равновесие или условие равенства сил, (3) ба-

ланс сил как гегемония, (4) баланс сил как стабильность и мир, (5) баланс сил как основной элемент политики, (6) баланс сил как универсальный исторический закон, (8) баланс сил как руководство для людей, принимающих политические и внешнеполитические решения [Haas 1953: 442-477].

Критически осмыслив приведенную классиками реализма/неореализма и их оппонентами аргументацию относительно структуры и содержания принципа баланса сил, обозначим три принципиальных замечания.

Во-первых, изложенная аргументация характеризуется понятийной многозначностью, временами перерастающей в концептуальную неопределенность, и незыблемой верой в бинарную оппозицию «равновесие — анархия», переходящей в научную идеологию. Кроме того, баланс сил понимается одними как теоретическая конструкция, принцип, а другими — как ситуация или система отношений.

Во-вторых, международные отношения второй половины XX в. дополнили силовые инструменты мировой политики квази-дипломатическими стратегиями. В результате в теории международных отношений появляются отличия от реалистической трактовки баланса сил модели, объясняющие поведение субъектов в международной среде — «модель концерта», «модель альянсов» и т.п. [Walt 1987].

В-третьих, баланс сил трансформируется в соотношение разнообразных и асимметричных возможностей субъектов международной системы, число которых постоянно растет, а качество меняется. Эволюция международной среды способствовала появлению в теории реализма / неореализма явления подмены истинно классической формулировки *balance of power* на баланс сил в значении «баланс государств» (М. Каплан, Х. Булл, М. Дойл и др.).

Принцип баланса сил нуждается в обновлении его интерпретации в связи с наличием содержательных противоречий даже в традиционной реалистической трактовке феномена и изменением условий реализации принципа в международной среде XXI века.

2

Американские социологи П. ди Маджио и У. Пауэлл в сформулированной ими концепции «организационного поля» предприняли попытку объяснить степень и характер влияния внешней среды на государство. **Международная среда** определена ими как *структурированное социальное пространство, каждый субъект которого имеет согласованные с другими членами пространства цели, статусы и роли* [Di Maggio, Powell 1983; Powell, Di Maggio 1991].

Одним из неотъемлемых свойств международной среды является постоянная изменчивость, непостоянство состояния, то есть условий функционирования международной системы отношений. Появление новых параметров межсубъектного взаимодействия требует и концептуальной модернизации принципа баланса сил. При этом значимость имеет не только определение и формулирование новых условий, но и исследование возможных последствий их практической реализации, особенности их взаимодействия с другими элементами среды. Наиболее значимые изменения внешней среды сформировали следующие условия, оказывающие влияние на концептуальное и прикладное содержание принципа баланса сил.

Первое. Неравнозначность интерпретаций понятия «баланс сил» в западной и восточной внешнеполитической практике XX–XXI веков, появление новых тракто-

вок понятия «сила» в теории международных отношений.

Коллектив американских ученых, изучив многочисленные прецеденты применения принципа баланса сил в западной и восточной внешнеполитической практике, пришел к выводу, что один и тот же подход может иметь кардинально различные интерпретации, зависящие от национального менталитета [Wohlforth et al. 2007]. Обобщив и структурировав результаты их исследования, мы провели сравнительный анализ западных (американских и европейских) и восточных (азиатских и ближневосточных) трактовок принципа баланса сил (см. табл. 1).

Реалисты традиционно употребляли понятие «баланс» в значении стабильности и мира. При этом Э. Хаас, ссылаясь на исследования Ф. Леки, замечает, что баланс может быть источником стабильности и мира, но не идентификатором этих состояний международной системы [Haas 1953: 450]. Ведь страх разрушения баланса сил в регионе мог быть одним из стимулов для начала военных действий, как это произошло в случае с Австро-Венгрией в Первой мировой войне [Craig, George 1995: 25–38].

Долгое время считалось, что принцип баланса сил является плодом европейской внешнеполитической идеологии, однако исследования индийского дипломата и политолога К.С. Венкатачара показывают, что баланс сил использовался в XVIII–XX вв.

Таблица 1
Сравнительный анализ западных и восточных интерпретаций баланса сил

	Западная интерпретация баланса сил	Восточная интерпретация баланса сил
1. Состояние внешней (международной) среды	Анархия	Иерархия
2. Цели внешнеполитической деятельности государства	Равновесие	Сохранность
3. Ожидаемое состояние государства	суверенное государство	государство-гегемон (либо сателлит гегемона)
4. Способ достижения баланса сил государством	конфликт, война, угрозы применения силы	несиловое (коммуникативное) давление
5. Способ внешнеполитического мышления государства	рациональность	сообразность картине мира
6. Способ внешнеполитического поведения государства	действие	противодействие

в качестве базовой внешнеполитической концепции (категории) правительствами Китая, Индии, Японии и многих арабских государств [Venkatachar 1966].

Таким образом, в рассматриваемом понятии баланс следует понимать не только как равновесие и стабильность, но и в значении сохранности, неизменяемости миротемного механизма.

В последние годы в теории международных отношений появляется новое понимание силы как инструмента политического воздействия. Профессор Гарвардского университета Ч. Мэйер в статье «Темная сила: глобализация, неравенство и конфликт» пишет, что сила может быть осмыслена во внешнеполитическом измерении как «форма потенциального конструирования коллективного поведения в негосударственных институтах (семье, религии, экономике)» [Mayer 2007: 61]. Поскольку структура и содержание этих институтов не всегда открыты для понимания, есть основания использовать термин «темная сила» (англ. *dark power*). В связи с постоянным изменением содержания понятий «баланс» и «сила» конструкция баланса сил может считаться стабильным резервом в понимании многих современных явлений международных отношений, как ресурс организации международной коллективной жизни [Mayer 2007: 63-65].

Второе. Появление и использование нового типа силового воздействия в условиях развития информационного общества.

Категория силы в теории международных отношений претерпевала изменения с момента ее оформления, чему способствовало появление новых субъектов отношений и сфер их деятельности. Даже трактовка традиционной военной силы и возможности ее использования после окончания «холодной войны» существенно изменилась. Так, известный американский специалист в области международной безопасности С. Браун указывает, что с появлением феномена кибервойн и дистанционного управления международными конфликтами стирается грань между несиловыми и силовыми методами воздействия на про-

тивника, а решение о начале военных действий и операций принимается все больше с учетом их экономической и психологической эффективности [Браун 2004: 12-14].

Бытие политической информации в международных процессах раскрывается в коммуникативном обмене, в процессе которого стороны оказывают друг на друга воздействие. Последнее с подачи известного американского политолога Дж. Ная-мл. получило определение информационной силы [Nye, Owens 1996: 21-22]. Появление нового вида силового взаимодействия – информационного – заставляет многих современных исследователей пересматривать и дополнять свои знания о силе как древнейшей категории в политике и международных отношениях. Так, в зарубежной политической науке понятие «информационная сила» стало производным от терминов «информационное воздействие», «информационная зависимость», «информационная среда» и др.

Уместно было бы сказать, что автор термина «информационная сила» Дж. Най-мл. в своих исследованиях никак не раскрывает его сущность и специфику. Он лишь указывает, что речь идет о разновидности «мягкой силы» как способности государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление [Nye 1990]. Ее появление связывается автором с возникновением асимметричных угроз. При этом концепция Дж. Ная-мл. основывается на простом тезисе, согласно которому телевидение, Интернет, мобильные средства связи способны передавать образ жизни, политическую культуру, демократические нормы и ценности другим народам и способствовать подсознательному приобщению к ним.

Оппоненты Дж. Ная-мл. (Д. Роткоф и М. Либики) склонны считать, что информационная сила стала возможной благодаря росту жесткой зависимости субъектов международных отношений от автоматизированных информационно-коммуникационных систем [Libicki 1998: 411; Libicki 2007]. По мнению их единомышленников,

присутствие информационной силы приводит к децентрализации государственной власти, дезинтеграции общества, ускорению развития, виртуализации жизни, асимметрии между экономической и политической составляющими социума, революции в средствах обеспечения безопасности [Cohen 1996]. Известный американский экономист Д. Роткоф критикует тезис Дж. Ная-мл. об информационном доминировании тех или иных субъектов международной политики, опирающемся на преимуществе их информационных систем [Rothkopf 1998]. Ссылаясь на исследования П. Рипера, он пишет, что международный субъект не обязательно должен стремиться к доминированию в глобальном информационном пространстве, ему будет достаточно использовать информационную систему более сильного партнёра или коллективную систему, обеспечивающую информационное преимущество в определённом сегменте пространства (в теории международных отношений это явление получило определение «эффект Давида» [Kobrin 1997: 76]).

Становление новых типов силы и силового воздействия стало результатом появления в XXI в. новых уровней и видов угроз. Существование информационной силы заставляет исследователей задуматься о проблеме адекватности базовых положений принципа баланса сил новым реалиям. В частности, убеждение и побуждение становятся более эффективными методами нежели силовое воздействие, а информационное влияние не ограничивается территориальными границами государства и ведет к децентрализации государственной власти. Наличие информационного ресурса не является достаточным условием для победы в информационном противостоянии и получения выгоды, игроки могут использовать ресурсы и системы других игроков по согласованию.

Третье. Наличие псевдокоммуникаций в структуре межгосударственного взаимодействия, манипулирования индивидуальными предпочтениями в консультативных органах международных межправительственных организаций.

Феномен псевдокоммуникаций в дипломатической практике XX в. был впервые исследован отечественным дипломатом и ученым В.Л. Исраэляном в начале 1980-х годов [Исраэлян 1990]. Изучая ситуации замены участниками международных переговоров главной цели на второстепенную, он обозначил их термином «антипереговоры» и на этом основании признал не заслуживающими дальнейшего внимания отечественных исследователей.

В отличие от В.Л. Исраэляна, М.А. Хрусталев подчеркивает, что псевдопереговоры с морально-этической точки зрения могут быть оценены профессиональными переговорщиками негативно, однако с инструментальной позиции они имеют своей целью затягивание времени и перестройку позиции участника переговоров. М.А. Хрусталев определяет ключевым условием перехода «нормального» состояния структуры переговоров в «ненормальное» состояние (то есть переговоров в псевдопереговоры) маскировку участником переговорного процесса своих намерений, подмену доминантной цели дипломатической коммуникации на побочную и, как следствие, заключение фиктивной договоренности с другими участниками процесса. По мнению ученого, подобные ситуации представляются частым явлением в современной дипломатической практике. В частности, из 880 договоренностей, заключенных в рамках структур СНГ за период 1991-1997 годов, только 15% фактически исполнялись сторонами [Хрусталев 2004: 78-79]. Псевдоконсультации повсеместно использовались в Политико-консультативном комитете Организации Варшавского договора в 1970-1980-х годах, помогая достигать необходимых и удобных советской стороне решений [Зобнин 2013b: 1027-1028].

Ситуацию асимметрии между сильным и слабым противником, следствием которой могут быть псевдопереговоры и псевдоконсультации, изучали американские ученые. Результатом исследования стала коллективная монография под редакцией Л. Рубина и У. Зартмана. В ней было зафик-

сировано, что причины появления псевдокоммуникаций носят тактико-стратегический характер [Zartman, Rubin 2000]. Самым простым примером влияния тактического фактора на течение переговорного процесса может служить осознание в ходе получения ценной информации потребности, ранее зафиксированной как неосознанной. В этом случае исследование псевдо- или антипереговоров необходимо для прогнозирования возможного поведения участников международных социально-политических коммуникаций, о чем пишет в своих работах американский ученый Г. Райффа [Raiffa 1985: 111-115]. Он указывает, что замена главной цели второстепенными является следствием желания сторон сохранить *status quo* в переговорах.

Баланс сил может быть также определен в терминах «системы государств, вовлеченных в соревновательное манипулирование силовыми взаимоотношениями между собой» [Claude 1989: 77-78]. По мнению автора настоящего исследования, появление псевдокоммуникаций в структурах международных межправительственных организаций является следствием манипулирования индивидуальными предпочтениями участников международной коммуникации [Зобнин 2013а].

Изменение структуры переговорного и консультационного процессов вследствие распространения в международной политике форм псевдокоммуникаций приводит, с одной стороны, к расширению спектра возможных способов достижения баланса сил в межгосударственных отношениях, с другой — ставит под сомнение рациональность как способ мышления в достижении стратегических целей внешней политики. При этом сохранение текущей позиции государства на мировой арене наряду с наращиванием ресурсов и технологий становится одной из базовых потребностей государства в международном коммуникационном процессе. В зависимости от состояния международной среды можно подобрать оптимальное соотношение структурных элементов принципа баланса сил, нормализующих и оптимизирующих успех

субъекта отношений в конкретной международной ситуации.

Состояние международной среды в XXI в. определяется следующими условиями, оказывающими непосредственное влияние на структуру и содержание принципа баланса сил: (а) появление новых видов силового взаимодействия в условиях информационного общества, (б) формирование новых уровней и сфер глобальной политики, (в) появление новых субъектов мировой политики, способных повлиять на процесс принятия внешнеполитических решений государств, (г) наличие псевдокоммуникаций и новых способов манипулирования внешнеполитическим поведением субъектов международных отношений, (д) присутствие национальной специфики понимания механизма применения баланса сил в международной политике.

3

Опираясь на позиции нового институционального подхода, необходимо в первую очередь выяснить, обладает ли принцип баланса сил институциональными признаками. Приверженцы институционального подхода традиционно понимают под институтом «долгосрочные системы правил, которых должны придерживаться акторы, если они хотят действовать разумно» [Донжес 2012: 39]. Американский социолог, профессор Стэнфордского университета У.Р. Скотт детализирует это определение: «**Институты** — это системы, которые содержат репрезентативные, конститутивные, нормативные правила и регулирующие механизмы, которые дают системе определенность и стимулируют акторов развивать их деятельность» [Scott 1994: 67; Scott 2004]. Типология и содержание правил Скотта могут быть выражены следующим образом.

1. Дескриптивные (описывающие) правила:

1.1. Нормативное правило, к которому относят ожидания и пожелания относительно поведения субъекта. Правило проявляется в виде социальных ролей, формируемых неосознанно в процессе социальной-политической коммуникации.

1.2. Репрезентативное правило, содержащее общие системы символов, а также их двойственные значения. Правило включает логические схемы и способы рассуждений, помогающие достичь субъекту понимания действительности.

2. *Прескриптивные (предписывающие) правила:*

2.1. Конститутивное правило включает ограничения, формирующие социальные условия. Правило не просто ограничивает возможные альтернативы поведения субъекта, но и устанавливает критерии формирования индивидуальных предпочтений.

2.2. Директивное правило определяется юридическими правилами и неформальными санкциями. Правило регулирует поведение субъектов, усиливая влияние нормативных требований с помощью наблюдения, контроля и системы санкций.

Таким образом, У.Р. Скотт называет необходимые условия-признаки социального института: их наличие или отсутствие может говорить о возможности наделения принципа баланса сил институциональными основаниями — чертами международного института (рис. 1).

Согласно данным рис. 1, с долей условности принцип баланса сил можно назвать международным институтом, обладающим нормативно-репрезентативными признаками, то есть в нем гораздо больше ожиданий и рационально-логических рассуждений о возможном внешнеполитическом поведении субъекта международных отношений, нежели каких-либо юридических ограничений или неформальных санкций.

Действительно, использование государствами угроз или иных силовых методов воздействий на внешнеполитическое поведение партнера или противника не может быть сдержано через осознание возможностей баланса сил, в котором элемент действия превосходит элемент противодействия. Отсюда следует, что дескриптивные основания доминируют над прескриптивными в трактовке сторонников теорий реализма и неореализма.

Международный порядок, основывающийся на принципе баланса сил, может быть проанализирован и с позиции принудительного соперничества субъектов международных отношений. По мнению американских ученых Дж. Марча и Й. Олсена, «соперничество и принуждение проявляются в стереотипах конфликта интересов, властвования, торга, выживания и войны, находя свое выражение в процессах выборов и принятия решений» [March, Olsen 1996: 289].

С позиции нового институционального подхода принцип баланса сил может быть определен четырьмя концептами: историческим, ситуационным, процедурным и символическим (табл. 2). В начале 1990-х годов они были дополнены пятым элементом — индивидуальным. Выявление указанного концепта стало возможным благодаря исследованиям американского ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике Э. Острома [Ostrom 1990]. Институциональный концепт реализует свою сущность в действии, тогда же происходит и его идентификация, основываясь на логике

Рисунок 1
Институциональное измерение принципа баланса сил

нормативное правило (ожидания и установки относительно поведения субъектов)	дескриптивные правила		репрезентативное правило (логические схемы и способы рассуждения для понимания действительности)
	БАЛАНС СИЛ		
	1. Аргументы М. Каплана 2. Аргументы Г. Моргентау 3. Аргумент Т. Шеллинга	1. Аргумент А. Лайпхарта 2. Аргументы Х. Булла 3. Аргументы К. Уолтца 4. Аргументы Г. Моргентау	
конститутивное правило (ограничения и критерии формирования предпочтений)	1. Аргумент М. Дойла 2. Аргументы М. Каплана	1. Аргументы М. Каплана	директивное правило (нормативные требования, неформальные санкции)
	прескриптивные правила		

Таблица 2
Содержание принципа баланса сил с точки зрения институциональных концептов

Наименование концепта	Содержание принципа баланса сил
1. Исторический	Баланс сил как принцип реальной политики оказывает непосредственное влияние на мировой исторический процесс, который в свою очередь на более поздних этапах способен воздействовать на умы людей, формирующих внешнеполитическую линию субъекта международных отношений, то есть идет обучение на собственном историческом опыте.
2. Ситуационный	Применение принципа баланса сил на практике происходит с учетом временных ограничений и параметров внешней среды, в государственной политике зачастую имеют место не стратегически выверенные решения, а механизмы оперативного реагирования на острые проблемы, в том числе и международные кризисы, конфликты и т.п.
3. Процедурный	Использование баланса сил в международной политике всегда связано с наличием огромного количества согласовательных процедур, заданных эндогенными правилами и процедурами принятия внешнеполитических решений. Субъект международных отношений может выступать единым агентом только после взаимодействия структур по вертикали и горизонтали власти.
4. Символический	Далеко не всегда официальные нормы и правила политического поведения формируют внешнеполитический курс, наоборот, особую роль в реализации политики играют ритуалы, символы, обычаи и церемонии, носящие зачастую неофициальный характер. Социокультурные стереотипы и мифы формируют, а иногда и модифицируют смысл многих формальных правил и принципов, каковым можно считать и баланс сил.
5. Индивидуальный	Точкой отсчета в принятии внешнеполитических решений всегда выступают действия индивидов или группы индивидов, обладающих собственными интересами, ресурсами и мотивами, при этом принцип баланса сил может быть одним из рациональных мыслительных базисов индивида, способом его категориального внешнеполитического мышления.

уместности и адекватности реалиям времени [Schweller 2006; Schweller 2011].

В традиционно реалистическом понимании принцип баланса сил опирался на понятия «суверенное государство» и «международная система государств», в новой институциональной трактовке речь идёт о нескольких иных понятиях — «международный институт», «международная среда», «международный порядок».

* * *

Еще в конце 1940-х годов Г. Моргентау пытался придать принципу баланса сил черты универсальной государственной идеологии, основанной на рациональном внешнеполитическом поведении. Сам принцип со временем приобрел признаки концептуально-теоретического института и идеологического конструкта [Valeriano 2009]. Приведенное в данной статье рассуждение позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Х. Булл перечислил три важнейших результата действия баланса сил: (1) он сохранил систему государств и не позволил ей трансформироваться в империю, (2) он защитил независимость государств, предотвратив их поглощение или подчинение, (3) он обеспечил условия для сохранения других международных институтов, обеспечивающих международный порядок (дипломатию, международное право, ограниченную войну) [Bull 1977: 102-103]. К этому спектру позитивных результатов функционирования принципа мы бы добавили еще один — сохранение старых и развитие новых форм международной социально-политической коммуникации (переговоров, консультаций, иных форм посредничества интересов) для реагирования на действия субъектов международных отношений и изменения условий международной среды.

2. С уверенностью можно говорить об *историчности принципа баланса сил*, струк-

тура и содержание которого изменялись по ходу мировой истории. Классическая трактовка принципа (подход Г. Моргентау) основывалась на биполярном мироустройстве, наличии в международной системе двух сверхдержав (СССР и США) и двух военно-политических блоков (НАТО и ОВД). Падение биполярной системы заставило исследователей искать новые интерпретации баланса сил. Так появились модификации принципа для однополярного и униполярного мира. Многие приверженцы неореализма стали скрывать под термином «баланс сил» свои индивидуальные концепции нового мироустройства, тем самым искажая изначальное значение принципа. Изменение характера силы как универсального ресурса сначала в плане возрастания его экономической составляющей, а затем информационной неизбежно меняет и сам баланс, его роль как принципа и системного свойства¹.

3. Принцип баланса сил может играть на мировой арене самостоятельную роль, таким образом, с долей вероятности можно говорить о его *автономии в современных международных отношениях*. Автономия баланса определяется сформированностью международных организационно-институциональных структур.

4. С теоретико-методологической точки зрения, можно и нужно говорить о присутствии феномена концептуальной восприимчивости в современной теории междуна-

родных отношений. Он определяется тем, что одни формирующие теорию принципы достаточно легко воспринимают концепции и гипотезы смежных направлений политической и иных общественных наук, другие, наоборот, стремятся сохранить традиционные трактовки и содержание. Баланс сил нельзя отнести ни к первому, ни ко второму типу принципов, при этом с долей уверенности можно говорить о его размытости и даже десемантизации в современной теории международных отношений. Последнее порой приводит к отказу от модели баланса сил и переходу к иным теоретическим концептам, обладающим понятийной однозначностью, как это произошло в работе коллектива американских ученых, использующих вместо баланса сил термин «баланс угроз» (англ. *balance of threats*) [Niou, Ordeshook, Rose 1989].

5. С точки зрения неоинституциональных подходов, **баланс сил** — это *система ожиданий и установок внешнеполитического поведения, совокупность рациональных схем и способов рассуждений, а также ограничений, направленных на формирование предпочтений субъектов международных отношений для достижения равновесия и стабильности отношений в международной среде*. От состояния среды и от положения в ней субъекта зависит институциональная структура принципа, предназначенная для оптимизации успеха актора в конкретной международной ситуации.

Список литературы

- Браун С. Сила в инструментарии современной дипломатии // Международные процессы. 2004. № 2. С. 4–20.
- Донжес П. Политические акторы в институциональном контексте // Политика и личность / Под ред. И. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. С. 37–50.
- Зобнин А.В. Проблема манипулирования в ходе международных консультаций // Международные процессы. 2013. № 1. С. 16–28.
- Зобнин А.В. Международные псевдоконсультации в структурах Организации Варшавского Договора // Политика и общество. 2013. № 8. С. 1021–1028.
- Израэлян В.Л. Дипломаты лицом к лицу. М.: Международные отношения, 1990. 352 с.
- Фосsum Й.Э. Принцип баланса сил: стабильность и сила в международных отношениях // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009. С. 230–254.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность д.и.н., проф. Д.И. Полывянному за помощь в формулировке настоящего вывода.

- Хрусталеv М.А. Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. 2004. № 3. С. 64–78.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. Assessing the Balance // Cambridge Review of International Affairs. 2011. Vol. 24. № 2. P. 201–219.
- Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan, 1977. 335 p.
- Claude I. The Balance of Power Revisited // Review of International Studies. 1989. P. 77–85.
- Cohen E.A. A Revolution in Warfare // Foreign Affairs. 1996. № 2. P. 37–54.
- Craig G.A., George A.L. Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 304 p.
- Di Maggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. № 2. P. 147–160.
- Doyle M. Empires. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 407 p.
- Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 2001. № 4. P. 391–416.
- Fritz P., Sweeney K. The (De)Limitations of Balance of Power Theory // International Interactions. 2004. Vol. 30. P. 285–308.
- Haas E.B. The Balance of Power: Prescription, Concept, or Propaganda? // World Politics. 1953. Vol. 5. P. 442–477.
- Kaplan M. System and Process in International Politics. N.Y.: J. Wiley, 1975. 260 p.
- Kaufman S., Little R., Wohlforth W.C. (eds.). Balance of Power in World History. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Kobrin S. Electronic Cash: A Glossary // Foreign Policy. 1997. № 107. P. 76–77.
- Libicki M.C. Information War, Information Peace // Journal of International Affairs. 1998. № 2. P. 411–413.
- Libicki M.C. Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 336 p.
- Lijphart A. The Structure of the Theoretical Revolution in International Relations // International Studies Quarterly. 1974. Vol. 18. № 1. P. 41–74.
- Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 328 p.
- Little R. The Balance of Power in Politics Among Nations // The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations / Ed. by M.C. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 137–165.
- March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. N.Y.: Free Press, 1989.
- March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // Comparative Politics: Notes and Readings / Ed. by B. Brown, R. Macridis. Belmont: Wadsworth Publishing Co., 1996. P. 289–292.
- Mayer C.S. Dark Power: Globalization, Inequality, and Conflict // Harvard International Review. 2007. Spring. P. 60–65.
- McGuire S. Multinationals and NGOs amid a Changing Balance of Power // International Affairs. 2013. Vol. 89. № 3. P. 695–710.
- McKibben H.E. The Effects of Structures and Power on State Bargaining Strategies // American Journal of Political Science. 2013. Vol. 53. No. 2. P. 411–427.
- Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle of Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948. 421 p.
- Moul W.B. Balances of Power and the Escalation to War of Serious Disputes among the European Great Powers, 1815–1939: Some Evidence // American Journal of Political Science. May 1988. P. 241–275.
- Niou E.M., Ordeshook P., Rose G. The Balance of Power: Stability in International Systems. N.Y.: Cambridge University Press, 1989.
- Nye Jr. J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990. 336 p.
- Nye Jr. J.S., Owens W.A. America's Information Edge // Foreign Affairs. 1996. № 2. P. 20–37.
- Ostrom E. Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 298 p.
- Patterson J.M. Corporate Behavior and Balance of Power: Some Uses of the Structural Approach // Business Horizons. June 1969. P. 39–52.
- Penrose E.F. Political Development and the Intra-Regional Balance of Power // Journal of Development Studies. October 1964. P. 47–70.
- Powell W., Di Maggio P. (eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 486 p.
- Raiffa H. Mock Pseudo-Negotiations with Surrogate Disputants // Negotiation Journal. 1985. April. P. 111–115.
- Rothkopf D.J. Cyberpolitik: The Changing Nature of Power in the Information Age // Journal of International Affairs. 1998. № 2. P. 325–360.
- Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.

- Schweller R.L.* Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton: Princeton University Press, 2006. 200 p.
- Schweller R.* Emerging Powers in the Age of Disorder // *Global Governance*. 2011. No. 17. P. 285–297.
- Scott W.R.* Institutions and Organizations. Toward a Theoretical Synthesis // *Institutional Environment and Organizations. Structural Complexity and Individualism* / Ed. by W.R. Scott, J.W. Meyer. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 55–80.
- Scott W.R.* Institutional Theory: Contributing to a Theoretical Research Program // *Great Minds in Management: The Process of Theory Development* / Ed. by K.G. Smith, M.A. Hitt. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3–11.
- Sheehan M.* The Balance of Power: History and Theory. London, N.Y.: Routledge, 1996.
- Sheehan M.* The Sincerity of the British Commitment to the Maintenance of the Balance of Power, 1714–1763 // *Diplomacy and Statecraft*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 489–506.
- Valeriano B.* The Tragedy of Offensive Realism: Testing Aggressive Power Politics Model // *International Interactions*. 2009. Vol. 35. P. 179–206.
- Venkatachar C.S.* The Changing Balance of Power: A View from Asia // *Journal of Development Studies*. January 1966. P. 174–188.
- Walt S.M.* The Origins of Alliances. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987.
- Waltz K.* Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 1959. 263 p.
- Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 250 p.
- Waltz K.* The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. 1993. № 2. P. 44–79.
- Wohlforth W., Little R., Kaufman S.J., Kang D., Jones C.A., Tin-Bor Hui V., Eckstein A., Deudney D., Brenner W.J.* Testing Balance-of-Power Theory in World History // *European Journal of International Relations*. 2007. Vol. 13. № 2. P. 155–185.
- Zartman W., Rubin L. (eds.)* Power and Negotiation. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.

BALANCE OF POWER PRINCIPLE REVISITED

THE NEOINSTITUTIONALISM APPROACH TO DEFINING THE CLASSICAL CATEGORY

ALEXEY ZOBNIN

Ivanovo State University, Ivanovo, 153025, Russian Federation

Abstract

In the changing conditions of the international environment, there is a clear demand for reassessing theoretical and conceptual approaches to international studies. Among the concepts that have to be revised is the 'balance of power' principle, which was formulated in conditions very much different from what is happening today in world politics. Analyzing the evolution of the 'balance of power' concept, one may conclude that the understanding of the concept has been changing with new arguments having been added to it. This led to polysemanticism and vagueness of the term. Apart from that, it has become obvious that western and oriental states practice different approaches to the implementation of 'balance of power'. Furthermore, the concept of power in international relations itself has evolved considerably, as have the ways of exercising it. For instance, in addition to the use of force as a means of reacting to external threats, some nontraditional non-force methods have been practiced. The conditions of the international environment since the second half of the 20th century demand a more critical approach to the classical realist application of 'balance of power', which has encouraged new models of international behavior for states to develop. The author of the article studies the main theoretical approaches to the 'balance of power' principle and concludes that it has to be re-interpreted and re-defined because of the existing ambiguity and the

changing conditions of the international environment. The article also concentrates on the structure of the international negotiation process, whose changes broaden the spectrum of possible ways in ensuring the balance of power. The author, who is studying the principle from the neoinstitutionalist angle, states that it is to be defined as a set of expectations, attitudes and rational approaches to foreign policy that define the behavior of states in world politics and secure certain balance in the international environment.

Keywords

'balance of power' principle; modern international environment; neoinstitutionalism; constructivism; international socio-political communication.

References

- Braun S. 2004. Sila v instrumentarii sovremennoi diplomatii [The power of the modern diplomacy instruments] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 4–20.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. 2011. Assessing the Balance // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 24. No. 2. P. 201–219.
- Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan. 335 p.
- Claude I. 1989. The Balance of Power Revisited // *Review of International Studies*. P. 77–85.
- Cohen E.A. 1996. A Revolution in Warfare // *Foreign Affairs*. No. 2. P. 37–54.
- Craig G.A., George A.L. 1995. *Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time*. N.Y.: Oxford University Press. 304 p.
- Di Maggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. No. 2. P. 147–160.
- Doyle M. 1986. *Empires*. Ithaca: Cornell University Press. 407 p.
- Donzhes P. 2012. Politicheskie aktory v institucional'nom kontekste [Political actors in the institutional context] // *Politika i lichnost'* / I. Pollaka, F. Zagera, U. Sartsinelli, A. Tsimmer (eds.). Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr. P. 37–50.
- Finnemore M., Sikkink K. 2001. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. No. 4. P. 391–416.
- Fossum I.E. 2009. Printsip balansa sil: stabil'nost' i sila v mezhdunarodnykh otnosheniakh [The balance of power principle: power and stability in international relations] // *Teoriia i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza* / S.U. Larsena (ed.). Moscow. ROSSPEN. P. 230–254.
- Fritz P., Sweeney K. 2004. The (De)Limitations of Balance of Power Theory // *International Interactions*. Vol. 30. P. 285–308.
- Haas E.B. 1953. The Balance of Power: Prescription, Concept, or Propaganda? // *World Politics*. Vol. 5. P. 442–477.
- Israelian V.L. 1990. *Diplomaty litsom k litsu* [Diplomats face to face]. Moscow. Mezhdunarodnye otnosheniia. 352 p.
- Kaplan M. 1975. *System and Process in International Politics*. N.Y.: J. Wiley. 260 p.
- Kaufman S., Little R., Wohlforth W.C. (eds.). 2007. *Balance of Power in World History*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Khrustalev M.A. 2004. Metodologiya analiza mezhdunarodnykh peregovorov [Analysis methodology of international negotiations] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 64–78.
- Kobrin S. 1997. Electronic Cash: A Glossary // *Foreign Policy*. No. 107. P. 76–77.
- Libicki M.C. 1998. Information War, Information Peace // *Journal of International Affairs*. No. 2. P. 411–413.
- Libicki M.C. 2007. *Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare*. Cambridge: Cambridge University Press. 336 p.
- Lijphart A. 1974. The Structure of the Theoretical Revolution in International Relations // *International Studies Quarterly*. Vol. 18. No. 1. P. 41–74.
- Little R. 2007. *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Little R. 2007. The Balance of Power in Politics Among Nations // *The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations* / Ed. by M.C. Williams. Oxford: Oxford University Press. P. 137–165.
- March J.G., Olsen J.P. 1989. *Rediscovering Institutions*. N.Y.: Free Press.
- March J.G., Olsen J.P. 1996. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *Comparative Politics: Notes and Readings* / Ed. by B. Brown, R. Macridis. Belmont: Wadsworth Publishing Co. P. 289–292.
- Mayer C.S. 2007. Dark Power: Globalization, Inequality, and Conflict // *Harvard International Review*. Spring. P. 60–65.

- McGuire S. 2013. Multinationals and NGOs amid a Changing Balance of Power // *International Affairs*. Vol. 89. No. 3. P. 695–710.
- McKibben H.E. 2013. The Effects of Structures and Power on State Bargaining Strategies // *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 2. P. 411–427.
- Morgenthau H.J. 1948. *Politics among Nations: The Struggle of Power and Peace*. N.Y.: Alfred A. Knopf. 421 p.
- Moul W.B. 1988. Balances of Power and the Escalation to War of Serious Disputes among the European Great Powers, 1815–1939: Some Evidence // *American Journal of Political Science*. May 1988. P. 241–275.
- Niou E.M., Ordeshook P., Rose G. 1989. *The Balance of Power: Stability in International Systems*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Nye Jr. J.S. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books. 336 p.
- Nye Jr. J.S., Owens W.A. 1996. America's Information Edge // *Foreign Affairs*. No. 2. P. 20–37.
- Ostrom E. 1990. *Governing the Commons*. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p.
- Patterson J.M. 1969. Corporate Behavior and Balance of Power: Some Uses of the Structural Approach // *Business Horizons*. June 1969. P. 39–52.
- Penrose E.F. 1964. Political Development and the Intra-Regional Balance of Power // *Journal of Development Studies*. October 1964. P. 47–70.
- Powell W., Di Maggio P. (eds.). 1991. *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press. 486 p.
- Raiffa H. 1985. Mock Pseudo-Negotiations with Surrogate Disputants // *Negotiation Journal*. 1985. April. P. 111–115.
- Rothkopf D.J. 1998. Cyberpolitik: The Changing Nature of Power in the Information Age // *Journal of International Affairs*. No. 2. P. 325–360.
- Schelling T. 1960. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press. 309 p.
- Schweller R.L. 2006. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton: Princeton University Press. 200 p.
- Schweller R. 2011. Emerging Powers in the Age of Disorder // *Global Governance*. No. 17. P. 285–297.
- Scott W.R. 1994. Institutions and Organizations. Toward a Theoretical Synthesis // *Institutional Environment and Organizations. Structural Complexity and Individualism* / Ed. by W.R. Scott, J.W. Meyer. Thousand Oaks: Sage. P. 55–80.
- Scott W.R. 2004. Institutional Theory: Contributing to a Theoretical Research Program // *Great Minds in Management: The Process of Theory Development* / Ed. by K.G. Smith, M.A. Hitt. Oxford: Oxford University Press. P. 3–11.
- Sheehan M. 1996. *The Balance of Power: History and Theory*. London, N.Y.: Routledge.
- Sheehan M. 2004. The Sincerity of the British Commitment to the Maintenance of the Balance of Power, 1714–1763 // *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 15. No. 3. P. 489–506.
- Valeriano B. 2009. The Tragedy of Offensive Realism: Testing Aggressive Power Politics Model // *International Interactions*. Vol. 35. P. 179–206.
- Venkatachar C.S. 1966. The Changing Balance of Power: A View from Asia // *Journal of Development Studies*. January 1966. P. 174–188.
- Walt S.M. 1987. *The Origins of Alliances*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Waltz K. 1959. *Man, the State and War: A Theoretical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press. 263 p.
- Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw-Hill. 250 p.
- Waltz K. 1993. The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. No. 2. P. 44–79.
- Wohlforth W., Little R., Kaufman S.J., Kang D., Jones C.A., Tin-Bor Hui V., Eckstein A., Deudney D., Brenner W.J. 2007. Testing Balance-of-Power Theory in World History // *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 2. P. 155–185.
- Zartman W., Rubin L. (eds.). 2000. *Power and Negotiation*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Zobnin A.V. 2013a. Problema manipulirovaniia v khode mezhdunarodnykh konsul'tatsii [The problem of manipulations in the course of international consultations] // *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 1. P. 16–28.
- Zobnin A.V. 2013b. Mezhdunarodnye psevdokonsul'tatsii v strukturakh Organizatsii Var-shavskogo Dogovora [International pseudo-consultations in the structure of the Warsaw Pact Organization] // *Politika i obshchestvo*. No. 8. P. 1021–1028.